

А.В. Шубин¹
A.V. Shubin

ИСПАНСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1930-Х ГОДОВ

SPANISH SOCIALIST WORKERS PAR- TY IN THE REVOLUTION OF THE 1930th

Аннотация: В статье рассматривается роль Испанской социалистической рабочей партии в Испанской революции 1931–1939 гг., рост влияния партии, борьба фракций, приход к власти в составе Народного фронта и более широкой антифашистской коалиции, различия политики правительств Ф. Ларго Кабальеро и Х. Негрина.

Ключевые слова: Испанская социалистическая рабочая партия, Испанская революция 1931–1939 гг., гражданская война 1936–1939 гг., Народный фронт, Ф. Ларго Кабальеро, Х. Негрин

Abstract: The article considers the role of the Spanish socialist workers party in the revolution 1931–1939, the growing influence of the party, the struggle of factions, coming to power as part of the Popular front and the wider anti-fascist coalition, the differences in the policy of the governments of F. Largo Caballero and J. Negrin.

¹ *Александр Владленович Шубин* доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН; *Alexander Vladlenovich Shubin* – Dr. in history, Institute of the World History, e-mail: historian905@gmail.com

Keywords: Spanish socialist workers party, the Spanish revolution 1931–1939, Civil war 1936–1939, the Popular front, F. Largo Caballero, J. Negrin

DOI: 10.32608/2305-8773-2018-20-1-286-316

История Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) насчитывает почти 140 лет, это не просто партия, а организационная форма идейной традиции с глубокими корнями. И ярчайшим этапом этой традиции является участие ИСРП в революции 1931–1939 гг., в которой партия выступила как одна из ведущих сил.

Становление Второй республики

В 1930 г. представители ИСРП заключили с либералами-республиканцами антимонархический Сан-Себастьянский пакт, и в 1931 г. выступила вместе с ними на местных выборах. Это обеспечило партии место в республиканской системе власти в условиях крушения монархии в апреле 1931 г.

С согласия чрезвычайного съезда ИСРП в июле 1931 г. Ф. Ларго Кабальеро стал министром труда в республиканском правительстве Н. Алкала Саморы и затем М. Асаньи. Участие ИСРП в правительстве было результативным: были введены минимум оплаты труда, арбитражные суды, 8-часовой рабочий день, обязательная оплата сверхурочной работы, страхование от несчастных случаев и пособие по беременности.

28 июня 1931 г. прошли выборы в Учредительное собрание. Самую большую фракцию (116 мест из 470) составили социалисты. При их непосредственном участии 9 декабря 1931 г. была принята республиканская конституция, вводившая ответственность правительства перед парламентом, основные гражданские свободы. Конституция провозгласила Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, построенной на началах свободы и справедливости» (Ст. 1) и отделила Церковь от государства (Ст. 26). Ст. 44 конституции предусматривала возможность отчуждения собственности (за вознаграждение) и ее обобществление.

ИСРП была массовой партией, и в ней выделились крылья: более умеренное, правое (лидер Х. Бестейро) и более радикальное, левое (лидер Ф. Ларго Кабальеро). Между ними выделилось цен-

тристское направление (лидер И. Прието, который склонялся к решительной тактике, но в вопросе о создании социалистического общества был ближе к Бестейро).

В период пребывания у власти ИСРП тесно связанное с ней профсоюзное руководство Всеобщего союза труда (ВСТ), ссылаясь на предусмотренную новым законом систему переговоров между работниками и предпринимателями, отрицательно относилось к стачкам, которые то и дело перерастали в насилие: «Забастовка в настоящий момент не разрешит ни одну из проблем, которые могут нас интересовать, а лишь все запутает»², – говорилось в манифесте исполкома ВСТ в январе 1932 г.

Войдя в правительство – впервые за свою историю – испанские социалисты пребывали в эйфории. Идеолог левого крыла ИСРП Л. Аракистайн писал: «Испания идет к государственному социализму, опираясь на профсоюзы социалистической тенденции, используя демократическую форму правительства, без насилия, которое компрометирует внутри страны и вне ее наше дело»³.

Но на XIII съезде партии в октябре 1932 г. Ларго Кабальеро признавал, что очень трудно добиться выполнения социального законодательства «при капиталистическом режиме, поскольку касикам, хозяевам, представителям власти и т.д. удастся препятствовать этому»⁴. На этом съезде даже Х. де Асуа, бывший руководитель конституционной комиссии Учредительных кортесов, выступил за выход из правительства, поскольку союз с либералами компрометирует ИСРП и придает силы конкурентам партии слева. Но И. Прието возражал – если уйти из правительства, оно станет откровенно правым и разрушит даже те реформы, которые удалось провести. Они оба были правы.

9 сентября 1933 г. Асанья ушел в отставку. На выборах 19 ноября и 3 декабря 1933 г. правые получили 3345 тыс. голосов (СЭ-ДА – 98 мест), радикалы – 1351 тыс. (100 мест), социалисты – 1627 тыс. (60 мест), левые либералы – 1 млн. (70 мест), коммунисты – 400 тыс. (но не победили ни в одном округе). К власти пришел либерально-консервативный блок во главе с лидером Радикального союза А. Леррусом. Бывший радикальный либерал, те-

² *Пожарская*, 1966. С. 55.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 75.

перь позиционировавший себя как центрист, практически перешел в консервативный политический спектр. Правительство правых фактически остановило аграрную реформу, отменило социальные выплаты и стало спонсировать Церковь.

Левые называли Лерруса «испанским Брюнингом» (имея в виду канцлера Германии, при котором возникли предпосылки для прихода к власти Гитлера).

Оказавшись в оппозиции, ИСРП стала быстро радикализироваться. Левое крыло во главе с Ф. Ларго Кабальеро лидировало в ИСРП. Еще до поражения на выборах 1933 г., 23 июня этого года Ларго Кабальеро выступил с сенсационным докладом «Социалисты и республика», в котором говорил: «Мы знаем, что если наша партия и наши организации окажутся в такой ситуации, когда для того, чтобы воспрепятствовать установлению фашизма, надо будет установить диктатуру пролетариата, мы пойдем на это»⁵. Доклад произвел в среде социалистов эффект разорвавшейся бомбы, Х. Бестейро категорически протестовал против возможности установления диктатуры пролетариата в Испании, где уровень социально-экономического развития низок. Бестейро считал «диктатуру пролетариата для Испании абсурдом и пустой детской иллюзией». Но Ларго Кабальеро настаивал, и в августе высказался еще более определенно: «Если у меня и были колебания, то они рассеялись после двадцати с лишним месяцев существования правительства Республики: теперь я убежден, что невозможно реализовать дело социализма внутри буржуазной демократии. Одно дело социальные реформы внутри буржуазной демократии и другое дело – социализм». Так в чем же тогда различие между левыми социалистами и коммунистами? «Нас разделяет тактика, методы»⁶.

После поражения на выборах политический поворот Ларго Кабальеро был поддержан партией и ВСТ, который в январе 1934 г. взял курс на подготовку всеобщей забастовки. Ларго Кабальеро совместил посты председателя ВСТ, генерального секретаря ИСРП и председателя парламентской фракции партии. Радикально выглядели и выступления И. Прието, который после падения авторитета Х. Бестейро стал вторым по влиянию лидером ИСРП.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Там же. С. 95.

Он выступал за восстание во имя спасения республики. Но, в отличие от Ларго Кабальеро, И. Прието выступал против социалистических преобразований в Испании, за возрождение союза с левыми республиканцами⁷. Для него радикальные средства служили задачам крайне умеренных преобразований, по сути – столь же умеренной политики, как и та, за которую выступал Бестейро.

По мнению лидеров ИСРП (и Ларго, и Прието) при Леррусе началось движение к фашизму и монархии, которым следовало противостоять даже вооруженным путем. В результате ИСРП стала сближаться с коммунистами, а также с националистами Каталонии, права которой на автономию ущемлялись правым правительством.

Обстановка накалилась в связи с планами вхождения в правительство Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА), включавшей профашистских политиков, Ларго Кабальеро публично заявил, что если СЭДА войдет в правительство, социалисты призовут народ к восстанию.

4 октября было объявлено, что Леррус включил в свое правительство трех министров СЭДА. 5 октября ВСТ начал всеобщую забастовку, которая была поддержана коммунистами и каталонскими националистами и переросла в Астурии и Каталонии в вооруженное восстание. ИСРП выдвинула лозунг “*Вся власть социалистической партии!*”⁸

В Каталонии власть захватило автономное правительство каталонских националистов – Женералитат во главе с Л. Компанисом. 6 октября лидер каталонских националистов Л. Компанис (Компаньс) зачитал восторженной толпе акт о провозглашении Каталонского государства.

Правительственные силы, управляемые ветераном марокканской войны генералом Ф. Франко, быстро изолировали очаги восстания и подавили выступление почти по всей стране.

8 октября Компаньс капитулировал, после чего социалисты прекратили сопротивление. Лишь в Астурии продолжались бои. 5 октября шахтеры подняли над городами Астурии красные флаги и двинулись на Овьедо. Власть в Астурии взяли рабочие комитеты, включавшие социалистов, коммунистов и анархистов. Они про-

⁷ *Пожарская*, 1966. С. 102–103.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 337. Л. 270.

возгласили социалистическую республику. Астурийский ревком возглавили депутаты-социалисты Б. Томас и Р. Гонсалес Пенья. 18 октября восстание было подавлено.

Было введено чрезвычайное положение. Лидеры социалистов, коммунистов и каталонских националистов, включая Ларго Кабальеро и президента Женералитата Компаниса, оказались в тюрьме. И. Прието бежал за границу и впал в пессимизм (эта реакция на поражения вообще была характерна для него)⁹. Однако из-за противоречий в правом лагере и сохранении влияния левых сил на массы дальнейшие репрессии не последовали.

4 января 1936 г. Алкала Самора назначил выборы, вплоть до которых правительство должен был возглавлять консервативный политик Мануэль Портела Вильядарес. Для проведения избирательной кампании режим чрезвычайного положения был отменён. В январе 1936 г. ограничения на деятельность левых партий были сняты. В декабре 1935 г. на процессе Ларго Кабальеро он был оправдан.

Сразу после выхода из тюрьмы Ларго Кабальеро поддержал союз с коммунистами и республиканцами. Социальная ситуация радикализировалась, и наиболее чуткими к этому сдвигу были профсоюзы, а значит – левые социалисты (кабальеристы) и анархо-синдикалисты. В 1935 г. этот сдвиг способствовал сближению коммунистов и кабальеристов и образованию Народного фронта, но уже в 1937 г. левый курс Ларго Кабальеро резко разведет его с КПИ. Кабальеризм развивался вместе с революцией, а политика КПИ подчинялась глобальной политической игре СССР.

В 1936 г. – первой половине 1937 г. в ИСРП углубляется дистанция между левым и правым («центристским») крыльями. По словам историка Р. Гиллеспи, «с конца 1935 г. и в течении войны ИСРП в действительности представляла из себя две партии, каждая из которых не могла работать как следует»¹⁰. Это в целом вер-

⁹ Уже в 1937 г. Прието, занимавший пост министра обороны Республики, потеряет веру в победу над франкистами. Дело было не только в политической и интеллектуальной позиции Прието, но и в его характере. В 1936 г. Антонов-Овсенко писал, что «Прието производит впечатление крайнего импрессиониста, отяжелевшего в скептицизме» (АВП. Ф. 5. Оп.16. П.119. Д. 62. Л.19.). Человек настроения, былой романтик, а ныне – скептик, тяжелый и внешне (Прието был полноват), и в своих действиях.

¹⁰ Gillespie, 1989. P. 49.

ное мнение нуждается в важных поправках. Во-первых, расхождение крыльев существовало и раньше, и не в 1935 г. переросло в фактический раскол. Ведь как раз в это время произошло сближение стратегий союза с либералами, на который ориентировался Прието, и союза с коммунистами, к которому склонился Ларго. Конфликт обострится позднее, когда придется выбирать между синдикализмом и этатизмом, между революцией и государственной дисциплиной. Во-вторых, партийная структура сохранялась и продолжала работать от имени всей партии, равно как и Ларго Кабальеро воспринимался обществом как общепартийный лидер. Пока он занимался вопросами большой политики и профсоюзов, аппарат в июне 1936 г. перешел под контроль «центристов», генеральным секретарем был назначен Р. Ламонета, который и развернул аппаратную игру против левых. Кабальеристы компенсировали эти бюрократические комбинации, поощряя радикальные тенденции «снизу», и в 1936 г. опирались на стремление радикалов-социалистов к сближению с КПИ. Тогда Ларго Кабальеро еще не мог предположить, что коммунисты сумеют наладить контакт с его оппонентами справа.

В декабре 1935 г. коммунисты согласились на вхождение прокоммунистических профсоюзов в ВСТ. Молодежные организации ИСРП и КПИ объединились в апреле 1936 г. в единую организацию Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ). В некоторых городах фактически возникли объединенные парторганизации социалистов и коммунистов. Со временем выяснится, что эти слияния оказались выгоднее коммунистам, чем социалистам – коммунисты не отказывались от своей внутренней дисциплины, и тоже вели аппаратную работу по установлению жесткого контроля за объединенными организациями. В ВСТ, «вотчине» кабальеристов, актив которого по мере углубления революции был настроен все более синдикалистски, успехи коммунистов были пока скромны. А вот ОСМ, которую возглавил С. Карильо, с началом Гражданской войны фактически стала прокоммунистической организацией. Это вызвало неудовольствие сотрудничеством с КПИ в ИСРП, так как политика руководства ОСМ лишала ИСРП привычного кадрового источника. Однако все эти проблемы проявятся после начала гражданской войны, а принципиальное значение приобретут в 1937 г.

На выборах 16 февраля 1936 г. блок левых либералов, социали-

стов и коммунистов Народный фронт получил 4654116 голосов, правые 4503524, баскские националисты 125714, центр 400901. Таким образом, перевес левых над правыми был минимален, а с учетом центристов и вовсе сомнителен. Но при мажоритарной системе решающую роль играло сплочение сил в округах. Народный фронт завоевал 268 мест из 473. При этом социалисты получили 88 мест, левые республиканцы - 81, коммунисты - 16. Правые и центристы получили 205 мест.

10 мая Кортесы избрали президентом страны М. Асанью. Правительство возглавил галисийский либерал С. Касерес Кирога. Социалисты, имевшие наибольшую фракцию в Кортесах, пока воздержались от вхождения в правительство. Они руководствовались той же логикой, что и российские эсеры и меньшевики в марте 1917 г.: «Мы не хотим, чтобы история возложила на нас ответственность за то, что мы не дали буржуазии выполнить ее миссию»¹¹, – заявил Ларго Кабальеро. Но в будущем он считал необходимым установить диктатуру пролетариата, то есть не отказывался принципиально от прихода ИСРП к власти. Прието был не прочь возглавить правительство, но этому воспротивились сторонники Ларго Кабальеро (кабальеристы), считавшие, что проведение социалистами буржуазной политики скомпрометирует ИСРП.

В первые месяцы правления Народного фронта нарастали политическая напряженность, непримиримость и ожесточение левого и правого лагерей. Накал страстей удивительным образом диссонировал с умеренностью проводившихся правительством преобразований. Массовые настроения искусственно «накручивались», радикализировались политическими лидерами и идеологами.

Широкая коалиция Ларго Кабальеро

17-18 июля 1936 г. произошла попытка правого военного переворота, которая переросла в Гражданскую войну 1936–1939 гг. Мятеж спровоцировал в качестве ответной реакции новый виток революции, который приобрёл синдикалистский характер – работники, как правило организованные в профсоюзы, захватывали предприятия, а крестьянские объединения – землю. В этом процессе лидировал синдикалистский профсоюз Национальная конфедерация

¹¹ Прицкер, 1962. С. 58.

рация труда (НКТ), но его поддержало и левое крыло ВСТ.

4 сентября было сформировано правительство во главе с лидером ИСРП Ф. Ларго Кабальеро, в которое вошли шесть социалистов (включая умеренных оппонентов Ларго – И. Прието, Х. Альвареса дель Вайо и Х. Негрина), два коммуниста, три либерала и представитель «Эскьеры», партии Компаньса. 4 ноября к ним присоединились четыре министра от НКТ. Таким образом, возникло правительство широкой антифашистской коалиции (шире Народного фронта). Впервые в Западной Европе в правительство вошли коммунисты, и впервые в истории — анархо-синдикалисты. Ключевой пост военного министра Ларго Кабальеро оставил себе.

В период правления Ларго Кабальеро военное строительство Республики основывалось на сочетании принципов милиционности на уровне подразделений и регулярности на уровне управления частями. Милиционная самоорганизация бойцов иногда затрудняла управляемость, но добавляла энтузиазма и самоотверженности бойцам. Важно было найти правильный баланс с принципами регулярной армии, и при Ларго его искали. Это сочетание не уберегло Республику от поражения в Малаге в феврале 1937 г., но позволило отстоять Мадрид и одержать победу над итальянским «добровольческим» корпусом под Гвадалахарой в марте 1937 г.

В октябре Ларго санкционировал формирование интернациональных бригад — воинских соединений, состоявших из зарубежных добровольцев, как правило, коммунистов, социалистов или анархистов, прибывавших в Испанию в основном по линии Коминтерна.

С сентября 1936 г. по май 1937 г. правительство Республики во главе с Ларго Кабальеро содействовало глубоким социальным преобразованиям, происходившим на территории Республики — особенно в Каталонии и в Арагоне. Пока НКТ оставалась в правительстве, противники анархо-синдикалистского социально-экономического эксперимента не могли развернуть серьезное наступление против сектора производственной демократии, возникшего в июле-октябре 1936 г. Как только НКТ покинула правительство, это наступление началось и привело к существенному свертыванию социальной революции.

Ларго Кабальеро называли «испанским Лениным». Однако коммунистом он не стал. Ларго Кабальеро и его сторонники искали модель нового общества, которое образуется в ходе революции

и будет соответствовать принципам демократического социализма. Познакомившись поближе с идеями, которые отстаивали вошедшие в правительство синдикалисты, кабальеристы стали склоняться к идее создания общества, базисом которого являются профсоюзные организации трудящихся. Но их нужно было соединить с демократическими государственными институтами и системой регулирования экономики.

Фиксируя в январе 1937 г. ухудшение отношений Ларго Кабальеро и КПИ, советский консул в Барселоне В. Антонов-Овсеенко отмечает, что причины этого кроются в политике коммунистов: «За последнее время отношения между Кабальеро и коммунистической партией стали довольно натянутыми». Это вызвано, в частности, «монополизацией политработы в армии коммунистами, зачастую довольно бестактно игнорировавшими другие организации народного фронта»¹². Ларго Кабальеро был недоволен репрессивными акциями коммунистов, «переманиванием» лидеров социалистической молодежи в КПИ, сближением коммунистов и его главного соперника в ИСРП Прието¹³. «Весьма вероятно, что Кабальеро рассматривал все эти факты как результат сознательного стремления коммунистов изолировать его»¹⁴. Однако за политическими комбинациями стояли стратегические разногласия левых социалистов и прокоммунистического блока. Ларго Кабальеро неприязненно говорил, что компартия «является самой умеренной партией»¹⁵. Как видим, советский консул признавал инициативу коммунистов в конфликте с Ларго Кабальеро, и уже на его раннем этапе отметил, что за тактическими частностями стоит различие политических стратегий.

Ларго Кабальеро, как и большинство лидеров ИСРП, относился с опаской к коммунистам. Его не могло не волновать проникновение коммунистов в армию (особенно в ее политическое руководство). В 1937 г. в вооруженные силы было направлено 296 тысяч членов КПИ, ОСПК и прокоммунистической «Объединенной социалистической молодежи» (ОСМ) из 349 тысяч их состава¹⁶. При

¹² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 4–5

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мещеряков, 1981. С. 70.

этом особое внимание уделялось продвижению кадров в командный и комиссарский состав. Коммунистические кадры, подготовленные в контролируемом компартией учебном 5-м полку, занимали командные посты и места комиссаров. Старые генералы Посас, Миаха и другие офицеры, оценив ситуацию, также вступили в компартию.

Из 5 командующих корпусами в компартии состояли два, из 18 комдивов 8 были коммунистами и еще 4 – близки к партии¹⁷. В апреле 1937 г. из 11 дивизионных комиссаров 3 были коммунистами и 1 член ОСМ, из 51 комиссара бригад 24 были коммунистами, из 186 батальонных комиссаров - 93 коммуниста и 32 члена ОСМ¹⁸.

Ларго Кабальеро стал предпринимать ответные меры, о которых советские военспецы с возмущением писали: «Борьба против коммунистов в армии приобретает все более широкий характер; смещение коммунистов с командирских и комиссарских должностей продолжается»¹⁹. Впрочем, это наступление на коммунистов на практике вылилось в восстановление пропорциональности.

Ларго не утверждал в должности мадридского комиссара, а также 120 комиссаров центрального фронта (по советским данным, к этому приложили руку и «центристы»²⁰). Также Ларго старался не давать комиссарам вмешиваться в планирование военных операций: «На доклад Михе о плане политобеспечения намечавшейся операции Кабальеро заявил, что операция – дело генералов, и Генеральный комиссариат не должен вмешиваться в это дело»²¹.

Главный военный советник Я. Берзин характеризовал Ларго Кабальеро как «махрового меньшевика»²². Премьер, видя благоволение советских специалистов коммунистам, относился к ним «подозрительно»²³.

Руководство Коминтерна уже во время прихода к власти Ларго Кабальеро относилось к нему с недоверием и даже враждебностью. Г. Димитров в сентябре 1936 г. говорил, что Ларго Кабалье-

¹⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 334. Л. 22.

¹⁸ Там же. Д. 348. Л. 3.

¹⁹ Там же. Д. 334. Л. 2.

²⁰ Там же. Д. 312. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Д. 282. Л. 4.

²³ Там же.

ро относится к тем деятелям социал-демократии, которые “отходят от позиций классового сотрудничества с буржуазией, отходят от реформизма - попадают в другую крайность, становятся экстремистами, проявляют свое сектантство, своего рода левацкие загибы”²⁴. В октябре А. Марти характеризовал Ларго Кабальеро на заседании ИККИ как “тип плохого профсоюзного бюрократа” и жаловался на то, что премьер отвергает предложения коммунистов²⁵. Таким образом, конфликт между коммунистами (не только испанскими) и Ларго Кабальеро вызревал уже с осени 1936 г.

ИСРП все сильнее разрывалась между курсом на социальную революцию и сотрудничеством с коммунистами, стремившимися ее остановить и повернуть в другую сторону ее поток.

Коммунистам было необходимо найти противовес Ларго Кабальеро в его собственной партии, и это оказалось несложно. В 1936-1937 гг. помимо коммунистов симпатии советских специалистов вызывает лидер правого крыла ИСРП (формально – «центрист»), министр авиации и флота И. Прието. Несмотря на состояние «некоторой депрессии»²⁶, в котором он признавался советским товарищам, Прието казался оплотом деловитости и порядка, умел скрывать свой антикоммунизм, который более очевидно проявится в 1938 г. Выступая в январе 1937 г. Прието говорил: «если бы не помощь России в данный момент, мы проиграли бы войну»²⁷.

И. Прието рисовал многообещающие перспективы союза СССР и Республики после победы над общим врагом: «В общем пролетарском деле уже ясно видно, что по-настоящему можно рассчитывать только на поддержку коллективистских стран. Если победа будет за нами, Испания, конечно, будет жить в дипломатическом окружении стран Запада, но другая связь, более глубокая, будет соединять нас со странами коммунистическими или социалистическими. Россия и Испания – вот клещи, которые с двух противоположных концов Европы будут сжимать капиталистические страны»²⁸. По словам И. Прието, нужно использовать советский опыт, «чтобы Испания не начала бы с безумств и избежала бы искривле-

²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1135. Л. 7.

²⁵ Там же. Д. 1117. Л. 111.

²⁶ РГВА Ф. 35082. Оп. 1. Д. 284. Л. 26.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 27-28.

ний»²⁹. Фракция Прието в ИСРП казалась хорошим партнером для коммунистов.

Уже в декабре 1936 г. Я. Берзин предлагал делать ставку на Прието при смене правительства: «Он авторитетный, деловой и энергичный человек, политически же его может держать в руках Розенберг»³⁰ (имеется в виду полпред СССР). Так стала обсуждаться кампания против Ларго Кабальеро, которая развернется в феврале-мае 1937 г., и в которой ставка будет сделана на правое крыло ИСРП.

Как покажут дальнейшие события, И. Прието готов был принимать в советском опыте принципы твердого порядка и дисциплины, но перспективы глубоких социальных преобразований его не радовали. Не радовала Прието и его однопартийцев инфильтрация коммунистов в офицерский корпус. Прието и другие лидеры ИСРП стремились с помощью формальной деполитизации армии остановить ее переход под контроль КПИ.

Стратегические различия курсов коммунистов и правого крыла ИСРП касались и внешней политики. Последние предпочли бы видеть в качестве партнера и защитника Францию. Однако на этом этапе войны вовлечение Франции в испанский конфликт входило и в планы Сталина, так что различие внешнеполитических ориентаций пока выливалось в разницу акцентов. Зато внешнеполитическая «структура момента» опять действовала против Ларго Кабальеро, «так как в глазах политиков Народного фронта радикальный имидж Ларго отчуждал Францию и Британию как потенциальных зарубежных союзников Республики»³¹. Внешнеполитические рассуждения оппонентов премьер-министра были наивными. После свержения Ларго Кабальеро имидж Республики сменится, а вот союзники так и останутся «потенциальными».

Коммунисты использовали советского полпреда М. Розенберга в качестве лоббиста своей политики³². Приехав в Мадрид, Розенберг принялся давать рекомендации и по составу правительства, и по основам его политики, а военный атташе – проект декрета об армии «по нашему образцу». Это вызвало недовольство в испан-

²⁹ Там же. Л. 26-27.

³⁰ Там же. Д. 282. Л. 8.

³¹ *Graham*, 1991. P. 95.

³² Например: Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 326.

ских политических кругах.

Советские рекомендации, которые нередко высказывались в бестактной форме, не всегда принимались премьером с благодарностью. Ларго Кабальеро отказался уступить давлению советского посла в вопросе назначения высших военных кадров, включая требование отставки генерала К. Асенсио. Итог этой беседы был весьма драматичен: «Убирайтесь! Вы должны понять, господин посол, что испанцы могут быть бедны и нуждаться в помощи из-за границы, но они достаточно горды, чтобы не допускать, когда иностранный посол пытается своей волей управлять испанским правительством»³³. После этого конфликта Розенбергу рекомендовали воздерживаться от прямого вмешательства во внутренние дела Испании, и советское посольство действовало осторожнее. Оно и не должно было вмешиваться во внутренние дела – это была епархия Коминтерна.

Ларго Кабальеро позднее писал о советских рекомендациях и инструкциях: «Они привыкли управлять массами, которые действуют механически, нисколько не раздумывая, без какой-либо аналитической или критичной мысли». Создавалось ощущение, что представители Союза прибыли в Испанию «как в академию, учиться и тренироваться». Более того: «В нашей войне испанское Правительство и, в частности, министр, ответственный за ход операций, а также генеральные штабы, особенно центральный, не смогли действовать полностью независимо, потому что им пришлось подчиняться против собственной воли безответственному иностранному вмешательству, не имея средств освободиться от него, боясь поставить под угрозу помощь в поставке военных материалов, которую мы получали от России. Иногда, под предлогом того, что приказы не выполнялись с желаемой точностью, русское посольство и титулованные русские генералы позволяли себе высказывать свое недовольство, говоря, что если мы не считаем необходимыми и подходящими их сотрудничество, то мы можем ясно об этом сказать, чтобы они передали это своему правительству и ушли. И что делать при подобных угрозах?»³⁴.

Таким образом, с начала 1937 г. между Ларго Кабальеро и его сторонниками с одной стороны, и коммунистами (включая совет-

³³ *Thomas*, 1986. P. 533.

³⁴ *Viñas*, 2007. P. 252.

ских) с другой стала нарастать напряженность. Это произошло по трем основным причинам. Во-первых, левые социалисты не разделяли курс коммунистов, правых социалистов и либералов на свертывание самоуправленческой революции и на дальнейшую этатизацию. Во-вторых, Ларго Кабальеро противостоял кадровой экспансии коммунистов (и в этом его осторожно поддерживали однопартийцы справа, предпочитая, однако, оставаться в тени). В-третьих, Ларго Кабальеро демонстрировал самостоятельное поведение в отношениях к советским рекомендациям о внешнеполитическом курсе и методах ведения войны. Первое вызывало недовольство Сталина, так как могло помешать его сложной дипломатической игре, а второе вызывало сомнения в успехе войны, ибо до 1937 г. Сталин доверял своим военным и полагал, что они-то уж знают, как выиграть войну. В любом случае, победа республики, во главе которой стоял Ларго Кабальеро, не была бы победой Сталина.

Поводом для первой серьезной атаки против Ларго Кабальеро стало падение Малаги 8 февраля 1937 г.

На заседании испанского правительства коммунисты потребовали тщательного расследования обстоятельств сдачи города, рассчитывая использовать его для смещения Ларго Кабальеро, для начала — с поста военного министра. Коммунисты развернули пропагандистскую кампанию против анархистов, левых социалистов и, конечно же, «троцкистов». Ларго Кабальеро обвинялся в неспособности организовать сопротивление и провести чистку в армии от предателей и некомпетентных. Но в итоге Ларго пожертвовал своим помощником К. Асенсио, сохранив за собой военное министерство³⁵. Коммунисты и правые социалисты стали приходить к выводу, что им не удастся добиться политической гегемонии, пока слишком левый социалист Ларго остается у власти.

Однако и после падения Малаги ситуация не была катастрофичной для Республики. Это показало сражение при Гвадалахаре, когда стало ясно, что республиканцы могут одерживать победы. Однако эмиссар Коминтерна Степанов (С. Минев) был уверен, что «если правительственный кризис был избегнут, то это не надолго»³⁶. И действительно, в мае 1937 года в республиканском лагере

³⁵ Подробнее см.: *Шубин*, 2012. С. 311–322.

³⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 212.

произошла вспышка внутренней борьбы.

Майский кризис 1937 г.

3–7 мая в Барселоне произошли вооружённые столкновения между каталонскими националистами и сторонниками прокоммунистической Объединённой социалистической партии Каталонии (ОСПК) с одной стороны и НКТ и антисталинской Объединённой рабочей марксистской партии (ПОУМ) с другой³⁷. Стороны обвиняли друг друга в провоцировании насилия. Возникший политический кризис давал долгожданный повод избавиться от Ларго Кабальеро.

Против Ларго Кабальеро решили выступить коммунисты, либералы, каталонские националисты и правое крыло ИСРП. Премьер-министр опирался на левое крыло ИСРП и анархо-синдикалистов. Его противники сформировали разнородный фронт политических сил, которые ситуативно сплотились на почве противостояния синдикалистской революции, на сторону которой перешел премьер.

8 мая на заседании правительства разгорелась дискуссия о том, кто несёт ответственность за столкновения в Барселоне. Коммунисты, у которых «рыло было в пуху», при поддержке «центристов» ИСРП нападали на анархо-синдикалистов и «троцкистов» ПОУМ. Ларго Кабальеро предлагал более тщательно разобраться.

Правое крыло социалистов сошло с коммунистами на почве такого размена: свержение Ларго Кабальеро и возделенное для Прието место министра обороны в обмен на пост министра внутренних дел, спасительный в свете расследования дела о событиях в Барселоне и ключевой в дальнейшей борьбе за власть (в дальнейшем это обещание не будет выполнено). Пострадавшими оказывались и связавшие себя с левыми социалистами лидеры НКТ. Они при новом раскладе теряли не только место Лопеса, но главное — экономический блок, что могло стать преддверием сворачивания синдикализации. Однако пока коммунисты и их союзники конструировали свое правительство, Прието сообщил им страшную новость: «По его словам, Ларго Кабальеро хотел создать синдикалистское правительство, состоящее почти полностью из предста-

³⁷ Подробнее см.: Шубин, 2012. С. 358–377.

вителей Всеобщего союза трудящихся и НКТ (возможно, это объясняет его желание избежать конфронтации с национальным анархо-синдикалистским руководством). У него, Прието, оставался портфель министра сельского хозяйства. Без сомнения, это было унижительно. Прието поспешил заявить, что невозможно, чтобы Асанья принял кабинет, из которого будут устранены республиканцы и коммунисты»³⁸.

Последующие события показали, что для Ларго Кабальеро вариант профсоюзного правительства был резервным. Он не мог не понимать, что Асанья не пойдет на синдикализацию политической структуры. Следовательно, для этого нужно было переступить через конституционную структуру Республики. Синдикалистская, самоуправленческая революция переросла рамки парламентско-президентского государства. А вот революция, к которой стремились коммунисты, вполне могла переживать в нем свой инкубационный период. Однако Ларго Кабальеро не сдвинулся настолько влево, чтобы бросить прямой вызов президенту и системе партийной власти. «Пугнув» своих противников призраком профсоюзного правительства, он продолжил партийные комбинации.

13 мая правительство собиралось для решающего объяснения. Острой критике подвергся министр внутренних дел кабальерист А. Галарса, которого обвиняли в нерешительности при наведении порядка, что привело к столкновениям в Барселоне³⁹.

По словам министра-анархо-синдикалиста Х. Гарсиа Оливера, камнем преткновения была не столько НКТ, сколько ПОУМ. Он вспоминал об этом заседании: «Министры-коммунисты, послушные и подчинявшиеся приказам своего бюро, начали прения, как коммунистическая ячейка городского района. Эти прения ожесточенно направлялись против ПОУМ, которую обвиняли в том, что она выступала зачинщиком майских событий. Ослепленные яростью, они требовали, чтобы правительство приступило к уничтожению и преследованиям ПОУМ, расправившись, насколько это будет возможным, со всеми ее членами, начиная с Нина и заканчивая дворниками их помещений.

Ларго Кабальеро не вступил в дискуссию, не участвовал в голосовании при обсуждении предложения коммунистов. Сказал лишь,

³⁸ *Viñas*, 2007. P. 553.

³⁹ International Institute of Social History (IISH). Paquete P 61... P. 1.

что он приказал бы расправиться с ПОУМ или теми, кто несет ответственность за похожие события, если бы обвиняющая партия представила доказательства такой виновности. Если говорить о майских событиях в Барселоне, ПОУМ в официальном заявлении, выпущенном ее Исполнительным комитетом, отрицала свое участие в этих событиях и выражала свое осуждение зачинщикам. В силу этого он считал, что позиция, которую занимали в то время министры от коммунистов, была такой, словно они хотели перебросить на плечи испанского правительства те проблемы, которые они делили с коммунистическими партиями по всему миру.

В качестве уполномоченного министра, присутствовавшего в Барселоне по соглашению с правительством, я объявил, что мое пребывание у президента Женералитата и его правительства за то время, что я здесь находился, выяснило очевидность того, что майские события произошли из-за провокационных действий Левой республиканской партии Каталонии и ОСПК. Дали толчок дальнейшим событиям те силы, которые попытались захватить телефонную станцию, а именно: политико-полицейские силы руководителя безопасности Родригеса Саласа, ОСПК, зависящей от министра внутренних дел, Артемио Айгуаде, Левая республиканская партия.

Федерика Монсени, также прибывшая в Барселону в качестве уполномоченного министра, высказалась в том же духе, что и я, уточнив, что за время своего пребывания в графском городе она не получила ни единого доказательства участия ПОУМ как партии в планировании и развитии тех событий⁴⁰. После такого разбора впору было давать распоряжения об арестах лидеров ОСПК и примкнувших к ним каталонских националистов.

Коммунистам следовало разрушить правительство немедленно: «Хесус Эрнандес, „министр Сталина“, взялся добить правительство. Или, точнее, закончить этот фарс с правительством.

— Если руководитель правительства отказывается принимать наши обвинения против ПОУМ, тогда Коммунистическая партия отзовет своих министров, и мы уйдем.

Он и Урибе встали и ушли.

Ларго Кабальеро, скрыв переполнявшее его возмущение и взяв себя в руки, сказал нам:

⁴⁰ *García Oliver*, 1978. P. 435.

— Господа, правительство только что пережило кризис. Само по себе это не важно. Однако мне надо подумать, как с ним справиться. Прошу вас извинить меня, однако так уж случилась, что придется отменить это заседание. Прощайте и большое спасибо всем вам»⁴¹.

Однако, судя по другим воспоминаниям, Ларго Кабальеро попросился не сразу, а после того, как Прието заявил: «Без участия коммунистов нет правительства»⁴². Многие лидеры ИСРП понимали, что роль ИКП определяется «тенью от советских самолетов», и это был очень важный фактор. Особенно принципиальным советский фактор был для министра флота и авиации Прието, так как его план ведения войны, отрицавший «партизанщину», был немыслим без активной советской поддержки. В результате в 1937 г. лидер правых социалистов Прието решительно вступился за коммунистов, несмотря на свой антикоммунизм (который со всей очевидностью проявится в 1938 г.). Вслед за Прието зал покинули еще четыре министра-социалиста (официально они заявили об отставке 14 мая). С Ларго Кабальеро остались два социалиста и четыре синдикалиста.

Уход большинства министров означал правительственный кризис. Согласие на новый состав правительства зависело от президента, так как роль кортесов была сведена на «нет». Президент стоял на позиции поддержки противников Ларго Кабальеро.

15 мая Асанья объявил о правительственном кризисе и поручил формировать новое правительство Ларго Кабальеро, уже понимая — он не сможет представить такой проект кабинета, который санкционирует президент.

Это был один из переломных моментов в развитии Испанской революции. Возникнет ли новая синдикалистская модель, которая будет существовать наряду с американским, советским и фашистским вариантами регулируемого индустриального общества? Будет ли стоять перед странами, вступающими на путь социального государства, выбор: создавать новое общество на основе авторитаризма, капиталистического плюрализма или, как в Испании — на основе производственной демократии?

Очевидно, что правительство, ядро которого состояло бы из

⁴¹ Ibid. P. 436.

⁴² *Ибаррури*, 1988. Т. 1. С. 384.

профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ (в этот период здесь доминировали левые социалисты), продолжало бы социальные преобразования, направленные на упорядочение коллективизации и синдикализации. Это правительство могло провести расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе, что могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге — к поражению КПИ и ОСПК в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также либералов.

Принципиальным было и сохранение за Ларго Кабальеро поста военного министра — НКТ и кабальеристы не хотели допустить на этот пост Прието, который был намерен ликвидировать модель военного строительства, основанную на сочетании централизации и милиции. ВСТ и НКТ выступили за сохранение постов премьера и военного министра за Ларго.

Для того чтобы преодолеть сопротивление коммунистов и социал-либеральных политиков, сторонники Ларго Кабальеро должны были предложить стране ясную политическую альтернативу — власть союзам, а не партиям.

Но Ларго Кабальеро не решился бросить вызов партийно-политической системе, во всяком случае, при первой попытке формирования нового кабинета. Собственно, в этот момент его политическое поражение было предreshено. 15 мая Ларго Кабальеро составил проект нового правительства и 16 мая представил его Асанье на утверждение. Ларго в этот момент не решился сразу выдвигать план профсоюзного правительства без коммунистов, а попытался еще раз сохранить конструкцию широкого антифашистского фронта, потеснив не коммунистов, а прежде всего правое крыло ИСРП⁴³.

Ларго рассчитывал, что у него будет вторая попытка формирования правительства, возможно — без коммунистов. Ларго не учел, что Асанья в условиях паралича кортесов более свободен в выборе кандидатуры премьера и просто не даст ему второй попытки. 17 мая Асанья поручил формирование правительства социалисту Х. Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ.

Выбор Негрина в качестве кандидата на пост премьера стал в

⁴³ *Graham*, 1991. P. 97–98; *Viñas*, 2007. P. 555–556.

тот момент несколько неожиданным, учитывая, что лидером правого крыла ИСРП («центристов») был Прието. Но Асанья не очень-то хотел, чтобы Прието возглавил правительство. Он был слишком влиятелен и амбициозен, мог снова превратить Асанью в почти формальную фигуру, как это уже было во второй половине 1936 г. Негрина поддержали и коммунисты. Эрнандес сообщил ему, что коммунисты предложили президенту его кандидатуру на пост премьера. На возражение Негрина о том, что он малоизвестен в стране, Эрнандес ответил: «Популярность... она фабрикуется!»⁴⁴.

Коммунисты не питали иллюзий по поводу характера Негрина. П. Тольятти писал о нем: «К числу слабых мест Негрина надо отнести и его стиль работы — стиль размагниченного интеллигента, болтуна, дезорганизованного и дезорганизующего, и его личная жизнь представителя богемы, не лишенная симптомов разложения (женщины)»⁴⁵.

Но выбор был невелик. Инициаторы свержения Ларго искали компромиссную фигуру для своего разношерстного блока. Премьером должен был стать не коммунист (это было бы «слишком» для Европы, да и для Испании, где уже говорили о прокоммунистическом перевороте) и не либерал (это был бы слишком правый вариант для республики того времени), а правый социалист («центрист»). Прието уже достаточно проявил себя как конфронтационная и неустойчивая личность. Он к тому же был готов сосредоточиться на военной стороне политики Республики. Итак, нужен «центрист» ИСРП, но не Прието. Из министров подходили Негрин и Альварес дель Вайо. Выбор между ними делали не коммунисты и не Москва, а ситуация. Альварес имел все же давнюю репутацию «левого». А Негрин был классическим «центристом». Таким образом, во фракции «центристов» ИСРП Негрин оказался министром, который устраивал и СССР, и коммунистов, и Прието, и Асанью.

Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что лидеры КПИ «приписывают себе в актив свержение правительства Кабальеро, тогда как режиссура кризиса была полностью в руках Прието». Более осведомленные работники НКВД зачеркнули слово «полно-

⁴⁴ *Hernandez*, 1953. P. 87.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 284. Л. 10.

стью» и заменили на «фактически»⁴⁶. Если Прието был режиссером кабинетной комбинации, то коммунисты инициировали сам кризис. И пусть не все шло по нотам, но в итоге выиграли обе эти силы. Они и составили основу нового режима.

Новое правительство было сформировано к вечеру 17 мая. Лидеры НКТ заявили, что не будут участвовать в правительстве без Ларго Кабальеро. Правительство широкой антифашистской коалиции сменилось более узким по составу правительством Народного фронта. Правительство Негрина взяло курс на свертывание социальных преобразований, что деморализовало часть республиканцев.

Курс Негрина

На первый взгляд, в мае 1937 г. на место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и в полном погашении накала революции. Однако сильнейшей фракцией майского режима были коммунисты, которые, при всей своей внешней умеренности, не отказывались от идеи превращения Испании в социалистическую страну (в их понимании социализма). Правительство Негрина занялось деколлективизацией, но одновременно — и национализацией. Это было не только отступление от прежних революционных завоеваний, но смена вектора революции от самоуправления к этатизму, огосударствлению. Режим, который образовался в Испании в мае 1937 года, имел общие черты с «народной демократией» — режимами, получившими распространение в Восточной Европе после Второй мировой войны. «Народная демократия» — это просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием. Соотношение фасада и ядра режима зависит от внешнеполитических факторов, и под влиянием Запада фасад даже мог в определенных условиях одолеть ядро. В Испании технология «народной демократии» еще только отработывалась.

«Народная демократия» представляла собой не просто вытеснение коммунистами «попутчиков», а синтез двух этатизмов — коммунистического и социал-либерального — на просоветской платформе. В такой режим вписывались те, кто был готов служить

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 50. Л. 108.

этой модели, и репрессировались даже коммунисты, если система подозревала их в излишней революционности или инакомыслии. Причиной репрессий могли быть и клановые конфликты, при этом бывшим членам компартии в объединенной «социалистической» или «рабочей» партии вовсе не был гарантирован успех. Поэтому важнейшую роль в развитии режима «народной демократии» играет контроль над силовыми структурами⁴⁷.

Первоначально майские победители в Испании были вынуждены отдать контроль над Службой безопасности Республики коммунистам. Но это вызывало опасения у партнеров КПИ. В остальном силовой блок оказался в руках приетистов – И. Прието и Х. Сугасагоитии. И на это с тревогой смотрел сам Негрин и близкие к нему социалисты, превратившиеся в центр новой политической конструкции. В июле даже произошел конфликт Прието с Негрином, так как министр хотел подчинить Генеральному штабу корпус карабинеров, которым традиционно руководил Негрин как министр финансов. «Негрин, поддерживаемый коммунистами, энергично выступил против, заявив, что корпус карабинеров представляет гарантию на тот случай, если бы профессиональные офицеры забыли, что они находятся на службе народа»⁴⁸. «Правда, щель, существующая между Негрином и Прието, пока незначительна, но все же Негрин, несмотря на отдельные трения с коммунистами, стоит ближе к последним»⁴⁹, — отмечал советский поверенный в делах в Испании С. Марченко.

Влияние Прието подорвали военные неудачи. Попытка перестроить демократизированную республиканскую армию на началах «нормальной» дисциплины подорвала энтузиазм бойцов и не дала преимуществ в отношении армии франкистов. Новой Гвадалахары у Прието не получилось, что вызывало у него разочарование в ситуации. На заседании правительства Прието критиковал СССР за двойственную политику. Но у Прието был важный плюс – к анархистам он «питает зоологическую ненависть»⁵⁰, и он был

⁴⁷ Шубин, 1996. С. 386–401.

⁴⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1015. Л. 95. Правда, когда в марте 1939 года офицеры действительно об этом «забыли», корпус карабинеров не спас правительство Негрина.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 82.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 22.

главным соперником Ларго Кабальеро в ИСРП. А усиление противоречий в этой партии был важным звеном политической стратегии коммунистов в Испании.

При этом формально Прието сохранял лояльность правилам «народной демократии», признавал возможность объединения ИСРП и КПИ в единую партию, хотя говорил, что его, возможно, «выбросят из этой партии»⁵¹.

Одной из важнейших фигур в ИСРП стал генеральный секретарь Р. Ламонеда. «Как социалистические лидеры государства и партии соответственно, Негрин и Ламонеда имели близкие суровые взгляды на дисциплину»⁵². Ламонеда развернул систематическое наступление на кабальеристов и на низовые инициативы вообще – кроме организации митингов в поддержку правительства. Он проводил линию, которую историограф ИСРП Х. Грэхем характеризует как «молчание социалистической партии», твердую идентификацию партии и государства⁵³. Однако если в тоталитарных системах это приводит к мобилизации партийного актива на проведение государственных решений, то в условиях негринавского авторитаризма политика Ламонеды привела к тому, что партийные организации ИСРП стали терять влияние на массы.

Первое время партийная жизнь еще кипела, так как аппарат Ламонеды вел войну с кабальеристами, вытесняя их из руководства парторганизаций. Кабальеристы обличали беспринципность политики правительства. 15 июля лево-социалистическая газета «Аделанте» сравнивала нынешнюю ситуацию с прежней покупкой голосов на выборах: «Мы знаем много случаев, когда люди стали коммунистами из-за того, что Россия предоставила им банку консервов и кило сахару. Рассуждая слишком поспешно, эти люди не замечают цены полученного. Конечно, нельзя просить помощи и желать, чтобы она была бескорыстной. Но есть люди, которые поступают так, будто эта помощь бескорытна. Вы понимаете, - говорят они, - Россия – единственная страна, которая нам помогает, - я вступил в коммунистическую партию... Возможно, что завтра мы получим помощь от другой страны, например, от Англии. Следуя этой логике, мы должны были бы стать монархистами, так как

⁵¹ Там же. Л. 81.

⁵² *Graham*, 1991. P. 107.

⁵³ *Ibid.* P. 109.

в Англии монархический режим»⁵⁴.

Негрин серьезно беспокоила активность предшественника, и он подумывал о репрессиях: «Кабальеро уже стал личностью и знаменем контрреволюции, и я вынужден буду в скором времени посадить его в тюрьму, тем более, что мы имеем уже доказательства того, что он и Ассенсио сильно скомпрометированы в сдаче Малаги»⁵⁵. Впрочем, Негрин так и не решился осуществить этот план, тем более, что доказательств непосредственной виновности Ларго в поражении под Малагой не было, а при Негрине поражения следовали одно за другим. Арест такой крупной фигуры, как Ларго, мог взорвать политическую ситуацию и еще сильнее скомпрометировать Республику в мире.

Сторонников Негрина и коммунистов также тревожило, что кабальеристы сблизилась с анархо-синдикалистами, Ларго Кабальеро выступал на митингах НКТ.

Кабальеристы стали бороться за демократизацию ИСРП и превращение Национального комитета в делегированный орган, состоящий из представителей парторганизаций. Но на пленуме Нацкома 19–21 июля левакам-демократам объяснили, что такие изменения может проводить только съезд, он же может переизбрать Нацком. А до конца войны съезда все равно не будет.

Членов Нацкома волновали также перспективы объединения с КПИ. Близкий к Негрину Х. Бугеда требовал скорейшего объединения и обвинял противников этого шага в предательстве, что вызвало возмущение более умеренного крыла⁵⁶. Негрину нужна была «своя партия», которая могла проводить его решения⁵⁷, но этот новый шаг по пути от Народного фронта к «народной демократии» вызывал опасения в одолевшем леваков правом крыле ИСРП. Возобладала аппаратная позиция Ламонеды – объединяться, но не торопясь, путем верхушечных переговоров, «длительного сотрудничества».

Получив власть над партией, правое крыло стало «чувствовать нарастающее желание мести в адрес левых», которые в 1934–1936

⁵⁴ АВП РФ. Ф.97. Оп. 14. П. 3. Д. 5. Л. 113-114.

⁵⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1015. Л. 101.

⁵⁶ *Graham*, 1991. P.116.

⁵⁷ В декабре 1937 г. Негрин посетует: «Если бы у меня была собственная партия» (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 88.).

гг. сдвинули партию влево⁵⁸. Орудием этой мести стало государство. 25 июля Ламонеда распустил исполком Валенсийской федерации ИСРП, где преобладали кабальеристы, обвинив его во фракционизме. Главой новой столичной организации Ламонеда назначил губернатора-социалиста М. Молину. Валенсийцы не подчинились, и тогда Сугасагоития направил карабинеров и сотрудников службы безопасности, которые 26 июля захватили горком и редакцию «Аделанте». Чистки организаций ИСРП продолжились по всей Республике. Хотя полностью вычистить кабальеристов из партии не хватило времени, их воздействие на большую политику Республики было парализовано.

Одновременно блок коммунистов и правого крыла ИСРП развернул наступление на кабальеристское руководство ВСТ. Также как перевес Ларго над реформистами в ВСТ в 1936 г. был достигнут благодаря вступлению коммунистов в это профобъединение, так теперь благодаря коммунистам перевес получили реформисты. Однако дело было не только в механическом перевесе, но и в падении революционной активности членов профсоюза во второй половине 1937 г. Применялось и исключение неугодных федераций из ВСТ под разными формальными предлогами (позднее они вернулись в состав Союза). Хотя полностью вытеснить кабальеристов из руководства ВСТ и его профорганизаций не удалось, профсоюз перешел под контроль майской коалиции.

Решающий удар был нанесен перед сессией Кортесов, где Негрин опасался контратаки Ларго как формального лидера фракции. 29 сентября кабальеристы потеряли руководство фракцией социалистов. 30 сентября был избран новый исполком ВСТ. Ларго был смещен с поста председателя ВСТ, который занял Р. Гонсалес Пенья. 1 октября кабальеристы были выведены из исполкома. 17 октября Ларго выступил с развернутой публичной речью. Хотя экс-премьер подверг режим Республики критике, однако ее лидеры напрасно опасались, что Ларго начал политическое контрнаступление. Он не планировал провоцировать раздоры, и его речь была политическим прощанием.

Негрин пытался удерживать баланс между «партией мира», стремившейся найти компромисс с Франко, и коммунистами. Он понимал, что в условиях поражений надежды на почетный мир с

⁵⁸ *Graham*, 1991. P. 114.

Франко нереалистичны. И Негрин, и Прието, и Асанья видели выход уже не в победе, а в том, чтобы «укрепив», усилив Республику, заставить Франко пойти на перемирие, закончить войну «вничью». По мнению У. Гарсиа, «это был общий ключевой вопрос, который, тем не менее, с весны 1938 г. разделил политические силы республиканцев на два блока»⁵⁹. Но это разделение началось задолго до весны 1938 г. Речь идет о сторонниках более активного ведения войны и более активных поисков мира, «партии войны», ядром которой была КПИ, и «партии мира», которую уже давно возглавлял Асанья и теперь укрепил Прието. Усиление «партии мира» активизировало правых политиков, которые вынуждены были выжидать в обстановке «разгула революции» 1936-1937 гг. На арену все активнее стал выходить Х. Бестейро, с позицией которого сблизился И. Прието. Это привело к новой перегруппировке сил в ИСРП, когда правое («центристское») крыло партии Прието-Негрин, существовавшее в 1936-1937 гг., разделилось на центристское (Негрин) и правое (Прието – Бестейро).

Во второй половине 1937 г., как отмечали советские специалисты, Прието предпринимал усилия «по упрочению своего влияния: сначала соцпартия, где процесс вышибания кабальеристов из местных организаций почти закончен, затем профсоюзы, где после создания нового исполкома УГТ дело Кабальеро можно считать проигранным. Теперь – политическое руководство армии, которое он имеет основание рассматривать как кабальеровское наследство и потому он не доверяет»⁶⁰. Но Прието не мог подкрепить свои политические успехи военными. К тому же даже после победы над кабальеристами он не контролировал ИСРП из-за противоречий с фракцией сторонников союза с коммунистами и СССР (Альварес дель Вайо и другие), за которыми стоял и сам Негрин.

Прието решил, что сражаться дальше бессмысленно, и потому сам уже не держался за место в правительстве. Военный министр выступал за скорейшие мирные переговоры с противником. Его поддержал президент Асанья⁶¹. Коммунисты публично обвиняли

⁵⁹ *García*, 2008. P. 216.

⁶⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 421. Л. 2.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 284. Л. 2. Его представитель в правительстве Хираль, как докладывал представитель Коминтерна, «заявляет всем, что война проиграна» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1149. Л. 147.).

Прието в капитулянтстве. Поражение в Арагоне окончательно лишило Прието веры в успех войны, о чем он прямо говорил на заседании правительства 29 марта, после которого подал в отставку 30 марта.

После отставки Прието Негрин мог опираться на часть своей партии и на коммунистов. Историк А. Виньяс справедливо возмущается: «Негрин, в частности, изображают марионеткой КПИ, или, еще хуже, кремлевских деятелей»⁶². Но и обратное – Негрин как самостоятельный, свободный от коммунистического влияния политик – тоже неверно. 4 июля 1938 г. Негрин писал Бланко: «Несмотря на то, что в качестве председателя Правительства я мог бы налагать вето на кандидатуры, предлагаемые моими коллегами, я привыкаю не делать замечаний, даже в том случае, когда это назначения в Совет министров»⁶³. Бланко, конечно, знал, что при его собственном назначении решающим был голос не НКТ, а Негрина. Однако высказывание Негрина не было простым кокетством, тем более, что дискуссия возникла из-за назначения коммуниста Э. Кастро. Если кандидатуру предлагала КПИ, Негрин не мог возражать.

Как считает историк У. Гарсиа, «растущая изоляция Негрина постепенно усиливала его зависимость от «партии войны», несмотря на его попытки освободиться от этого неудобного союзничества. Зная о том, что связь с Коммунистической партией Испании увеличивает его непопулярность, в начале декабря Негрин предложил слить все партии республиканского толка в некий «народный фронт». Эта запоздалая попытка покончить на раз с пресловутой раздробленностью испанских левых провалилась в результате единодушного отказа партий»⁶⁴. Но мнение партий – дело поправимое. Собственно, нужно было согласие одной партии – КПИ, а от остальных можно было включить «прогрессивные крылья», как это делалось в Восточной Европе десятилетие спустя.

А. Виньяс считает союз Негрина и коммунистов ситуативным. Но без этого союза Негрин не мог оставаться у власти. «Коммунисты и Негрин (вместе с сектором ИСРП) шли вместе в течение долгого времени, веря в способность усиленной Народной армии к

⁶² *Viñas*, 2009. P. 532.

⁶³ *Ibid.* P. 483.

⁶⁴ *García*, 2008. 217.

сопротивлению и в то... что обстоятельства на международной арене в последний момент помогут делу Республики. По мере ухудшения ситуации возрастала тенденция коммунистов к упорному сопротивлению. Когда разница в стратегии ИКП и Негрина стала очевидной, последний попытался главным образом спасти как можно больше республиканцев. То, что стратегия совпадала только временно, подтверждает, помимо прочего, намерение Негрина обойтись без коммунистических министров и командующих, если брешь будет заполнена демократиями»⁶⁵.

В Москве замечали некоторую двойственность в поведении Негрина. Он сотрудничал с коммунистами нехотя. В случае гипотетической победы республики Испания оказывалась в том же положении, что и «народные демократии», в том числе не занятые советскими войсками. Однако под давлением Великобритании и Франции республика могла остаться в западном лагере. А это положило бы конец власти Негрина, который уже скомпрометировал себя в глазах Запада слишком тесным сотрудничеством с коммунистами. Аналогично, Негрин терял власть в случае компромисса с Франко, хотя и сохранялся как лидер прокоммунистического блока или одной из мелких социалистических фракций. Таким образом, в случае сохранения Республики Негрину снова пришлось бы выбирать между политической маргинализацией и прокоммунистической политикой. Судьба связала его политический успех с коммунистами. И только крах Республики освободил его от этих оков (впрочем, и от членства в ИСРП тоже – из своей партии Негрин был исключен в 1946 г. за прокоммунистическую политику период Гражданской войны).

«Казалось, Испания обрела своего Шарля де Голля, но не сохранила и потеряла»⁶⁶, – ищут место в истории для своего героя историки А. Виньяс и Ф. Эрнандес. Это – удачное сравнение, но не в связи с их государственной деятельностью, а с обстоятельствами более важными для судеб Негрина и де Голля. Де Голь в 1944 г. вернулся во Францию в обозе союзников. У Негрина не нашлось союзников, которые побили бы за него Франко и вернули его на родину в 40-е годы. Но известно, что после Второй мировой войны судьба Франко висела на волоске из-за перипетий Мировой и «Хо-

⁶⁵ Viñas, 2009. P. 532.

⁶⁶ Viñas, Hernández Sánchez, 2009. P. 463.

лодной» войн. Так что у Негрина и в эмиграции оставался шанс стать де Голлем. Но зависело это уже не от испанцев.

Политическая судьба Негрина зависела от внешних обстоятельств – даже если бы Республика устояла до начала Второй мировой войны. От него самого зависело уже совсем мало, но это малое было важно – сколько месяцев в 1939 г. продержится Республика. Когда 6 марта 1939 г. начался мятеж С. Касадо, Негрин покинул страну – даже с некоторым облегчением.

Несмотря на фракционные конфликты, неизбежные в крупной демократической организации, ИСРП стала наиболее влиятельной партией Республики, что способствовало её лидерству в левом лагере после падения франкизма. В то же время фракционная борьба периода революции отражала тот факт, что в ИСРП объединились сторонники очень разных, иногда принципиально противостоящих течений – самоуправленческого и этатистского. Партия не смогла обеспечить их синтез, что ослабило и ИСРП, и Республику, став одной из причин её поражения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ибаррури Д.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1988.
- Коминтерн и гражданская война в Испании. М.: Наука, 2001.
- Мещеряков М.Т.* Испанская республика и Коминтерн. М.: Мысль, 1981.
- Пожарская С.П.* Социалистическая рабочая партия Испании. М.: Наука, 1966.
- Прицкер Д.П.* Подвиг Испанской республики. М.: Соцэкгиз, 1962.
- Шубин А.В.* СССР и страны «народной демократии» // Дробкин Я.С. (ред.). Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 386–401.
- Шубин А. В.* Великая испанская революция. М.: Либроком, 2012.
- García Oliver J.* El eco de los pasos. Paris: Ruedo Ibérico, 1978.
- Gillespie R.* The Spanish Socialist Party. A History of Factionalism. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Graham H.* Socialism and War. The Spanish Socialist Party in Power and Crisis. 1936-1939. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1991.
- Economía y economistas españoles en la Guerra Civil.* Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2008.
- Hernandez J.* Yo fui ministro de Stalin. México: Ed. America, 1953.

- Thomas H.* The Spanish Civil War. New York: Harper & Row, 1986.
Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona: Crítica, 2007.
Viñas Á. El honor de la República. Barcelona: Crítica, 2009.
Viñas Á., Hernández Sánchez F. El desplome de la República. Barcelona: Crítica, 2009.

REFERENCES

- Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2008.
Hernandez J. Yo fui ministro de Stalin. México: Ed. América, 1953.
García Oliver J. El eco de los pasos. Paris: Ruedo Ibérico, 1978.
Gillespie R. The Spanish Socialist Party. A History of Factionalism. Oxford: Oxford University Press, 1989.
Graham H. Socialism and War. The Spanish Socialist Party in Power and Crisis. 1936–1939. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1991.
Ibarruri D. Vospominaniya. Moscow: Politizdat, 1988. [Memoirs].
 Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. Moscow: Nauka, 2001. [Comintern and the civil war in Spain].
Meshcheryakov M.T. Ispanskaya respublika i Komintern. Moscow: Mysl', 1981. [Spanish Republic and Comintern].
Pozharskaya S.P. Sotsialisticheskaya rabochaya partiya Ispanii. Moscow: Nauka, 1966. [Socialist Workers Party of Spain].
Pritsker D.P. Podvig Ispanskoy respubliki. Moscow: Sotsekgiz, 1962. [The feat of the Spanish Republic].
Shubin A. V. Velikaya ispanskaya revolyutsiya. Moscow: Librokom, 2012. [The Great Spanish Revolution].
Shubin A.V. SSSR i strany «narodnoy demokratii» // Drabkin YA.S. (red.). Totalitarizm v Evrope XX veka. Iz istorii ideologiy, dvizheniy, rezhimov i ikh preodoleniya. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1996. Pp. 386–401. [Shubin A.V. The USSR and the countries of “people's democracy” // Ya. S. Drabkin. (Ed.) Totalitarianism in Europe of the twentieth century. From the history of ideologies, movements, regimes and overcoming them].
Thomas H. The Spanish Civil War. New York: Harper & Row, 1986.
Viñas Á., Hernández Sánchez F. El desplome de la República. Barcelona: Crítica, 2009.
Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona: Crítica, 2007.
Viñas Á. El honor de la República. Barcelona: Crítica, 2009.